

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Ю. Колпинский	В. И. Ленин и наследие Ф. Энгельса	3
Л. Ф. Туполева.	Распространение марксизма в Ирландии в конце XIX — начале XX в.	22
А. Э. Штекли.	«Родоначальник утопического коммунизма» и «проблемы коммунистических идей»	42
В. В. Согрин.	Э. Беллами и его место в развитии утопического социализма в США	64
К. М. Андерсон.	«Земной рай» доктора Уильяма Кинга	88
Т. А. Павлова.	К изучению «Книги нового нравственного мира»	111
Э. И. Валлич.	Чарлз Холл как критик капитализма	132
М. Н. Захарова.	Т. Джеффереон и проблема собственности	160
Л. С. Чиколини.	Утопия Франческо Пуччи	179
В. В. Карева.	Начало французской истории «Утопии» Томаса Мора. Г. Бюде — первый французский интерпретатор «Утопии»	204
О. Ф. Кудрявцев.	Идея «общности» у Марселио Фичино	226
М. К. Трофимова.	К пониманию «утопии Ямбула» у Диодора Сицилийского	236

ПУБЛИКАЦИИ

Письма бельгийского социалиста Сезара Де Папа (1865—1878)	252
---	-----

«Земной рай» доктора Уильяма Кинга

Небольшая приморская деревушка Брайтельмстон превратилась к началу прошлого века в курортный городок Брайтон. Он стремительно разрастался, но слава его росла еще быстрее. Целебный морской воздух манил лондонских дельцов, искавших отдохновения после утомительных биржевых спекуляций. 50 миль, отделявшие Брайтон от Лондона, дилижанс покрывал всего за 4 часа, так что поездки на море не отрывали от дел в столице. Вслед за бизнесменами туда потянулся высший свет.

Брайтон и поныне известен как модный курорт. Но существовала в истории этого города страница, вписанная не в столбцы светской хроники, а в летопись движения, родоначальником которого был Роберт Оуэн.

Весной 1827 г. в доме № 31 по улице Западной обосновалось общество с несколько длинным названием — «Брайтонская ассоциация по созданию благотворительного фонда». Оно объединило около 40 человек, главным образом ремесленников и рабочих. Они намеревались, как писал в «Кооперэтив мэгэзин» один из учредителей, накопить деньги для основания кооперативной общины¹. А год спустя, в мае 1828 г., вышел первый номер «Кооператора», издания близкого Брайтонской ассоциации. Само заглавие указывало на его принадлежность к оуэнистской прессе.

Оуэн именовал свои общины «поселками единения и сотрудничества», а строй, идущий на смену обществу разобщенности, — строем сотрудничества (co-operation). Поэтому среди последователей Оуэна в 1820-е годы привилось самоназвание «кооператоры». В русском языке ему, пожалуй, больше всего соответствовало бы слово «сотоварищи». Встречались и другие именованья. К примеру, «коммунионисты» (от communion — общность), или «социалисты» — название, происходившее от оуэновского термина «социальная (или общественная) система», т. е. противоположная «эгоистической», или индивидуальной². Но в 1820-е — начале 30-х годов название «кооператор» было наиболее употребительным. Оно не рождало, как теперь, ассоциации ни с потребительской лавкой, ни с артельной мастерской.

«Кооператор» выходил раз в месяц на протяжении почти трех лет. Его нельзя считать журналом, ни тем более газетой. Скорее это были регулярно печатавшиеся трактаты по различным вопро-

сам движения кооператоров-оуэнистов. Пожалуй, 28 номеров «Кооператора» можно расценить как солидное (112 страниц) и вполне цельное произведение.

Издание располагало достоверными сведениями о состоянии дел оуэнистского движения. В конце каждого номера обычно приводились данные о вновь созданных кооперативных обществах. Первый номер (май 1828 г.) перечислял лишь 3 общества, а в декабре 1829 г. — уже 130.

«Кооператор» не столичное издание, но тем не менее он получил признание современников, главным образом оуэнистов. В марте 1830 г. «Кооперэтив мэгэзин» назвал брайтонское издание «своего рода учебником кооператоров»³. На оуэнистском конгрессе 1832 г. была внесена резолюция, предлагавшая переиздать его. Благожелательно отзывались о Брайтонской ассоциации и «Кооператоре» не только оуэнисты⁴.

Однако наибольшая известность пришла к нему десятилетия спустя. Во второй половине XIX в. зародилось современное кооперативное движение. Перед его деятелями стоял вопрос: может ли производственная и потребительская кооперация преобразовать капитализм? Поиски ответа вызвали повышенный интерес к прошлому. Тогда-то в поле зрения исследователей попали «Кооператор» и его автор, врач Уильям Кинг. Вокруг его имени разгорелся спор, по существу не оконченный и поныне.

Авторы работ о Кинге образуют два лагеря. Первый — историки, связанные с социалистическими движениями Британии (фабианцы, лейбористы). Они признают Кинга самобытным мыслителем, но все же, несомненно, последователем Оуэна (Дж. Бейли, Дж. Коул, Ф. Подмор, Э. Томпсон)⁵.

Ко второму лагерю принадлежат представители кооперативистских учений. С их точки зрения, У. Кинг если не реформатор теории Оуэна, то по меньшей мере оппозиционер внутри оуэнизма. Их главный тезис: не Оуэн, а Кинг был отцом современной кооперации (И. Зассен, Г. Мюллер, А. Зонниксен, Дж. Брукс, Т. Мерсер)⁶.

Отношение исследователей к Кингу определяется их оценкой роли кооперации. Для одних она лишь вспомогательное средство осуществления социальных преобразований, для вторых — основ-

¹ Mercer T. W. Dr. William King and the Cooperator. Manchester, 1922, p. XX.

² Harrison J. F. R. Owen and the Owenites in Britain and America. L., 1969, p. 45.

³ Mercer T. W. Op. cit., p. XX.

⁴ Selection from the Letters of R. Southey. L., 1865, vol IV, p. 146—147.

⁵ Bailey J. British Co-operative Movement. L., 1955; Cole G. Life of R. Owen. L., 1925; Podmore F.

R. Owen: A Biography. L., 1905; Thompson E. P. The Making of the English Working class. L., 1963.

⁶ Зассен И. Развитие кооперативной мысли в век капитализма. Киев, 1919; Мюллер Г. В. Кинг и его место в истории кооперации. М., 1919; Sonnicksen A. Consumers Co-operation. N. Y., 1919; Brooks J. G. Labor's Challenge to the Social Order. Philadelphia, 1920; Mercer T. W. Op. cit.

ное. Видимо, поэтому исследователи обращали большее внимание на аналогии между отдельными идеями Кинга и современными им теориями кооперации. В итоге был упущен из виду существенный момент — содержание «Кооператора» не сводится к советам по устройству потребительских лавок, а представляет собой вполне цельную систему взглядов на общество.

Мировоззрение У. Кинга до сих пор не изучалось полностью. Попытаемся выяснить, каковы были философские и экономические взгляды Кинга в 20-е годы прошлого века.

Но прежде несколько слов о самом авторе. Он родился 17 апреля 1786 г. в семье преподобного Джона Кинга, директора частной Ипсвичской школы. Уильям имел двух братьев, один впоследствии стал видным юристом, другой — адмиралом. У. Кинг получил превосходное образование: окончив привилегированную Вестминстерскую школу, поступил в Оксфорд, но вскоре перешел в Кембридж, где изучал политэкономия, историю, философию, и в 1809 г. был удостоен степени бакалавра искусств. Некоторое время он преподавал, но затем вновь взялся за учебу, на этот раз готовясь стать врачом. В 1819 г. ему присвоили степень магистра медицины, и до конца своей жизни он остался верен профессии врача.

В начале 1820-х годов Кинг приобщился к благотворительной деятельности и свел тесное знакомство с известными филантропами-квакерами: Уильямом Алленом, компаньоном Р. Оуэна по Нью-Ленарку, и Елизаветой Фрай. В 1825 г. он помогал основывать «Институт мастеровых» (Mechanical Institute) в Брайтоне, одно из многочисленных просветительных учреждений для рабочих, создававшихся в те годы по всей стране. Двумя годами позже он был вовлечен в работу Брайтонской ассоциации, а еще год спустя приступил к выпуску «Кооператора». С прекращением издания Кинг целиком отдался врачебной практике и медицинским исследованиям. В 1860-е годы с ним установили связь руководители нового кооперативного движения, но контакты ограничились перепиской. Умер Кинг 19 октября 1865 г. в Брайтоне.

Его жизнь не богата захватывающими событиями и на первый взгляд достаточно известна. Но тем не менее перед биографом встает ряд вопросов, ответить на которые удастся далеко не всегда.

Например, точно не известно, как Кинг вступил в сотрудничество с Брайтонской ассоциацией. Вероятнее всего, через «Институт мастеровых», поскольку некоторые его слушатели вошли в ассоциацию, размещавшуюся, кстати, в одном здании с «Институтом».

Трудно сказать, какую роль играл Кинг в ассоциации. Был ли он ее прямым руководителем или, как нередко поступал Оуэн, возглавлял ее, формально оставаясь в стороне? Видимо, вернее второе предположение. Все официальные письма ассоциации написаны Уильямом Брайеном, журналистом по профессии. Именно Брайена считал создателем общества У. Ловетт⁷. Кроме того, из

письма У. Кинга к лорду Бруму от 12 декабря 1828 г. явствует, что Кинг не смешивал себя с членами Брайтонской ассоциации⁸. Скорее всего, он выступал своего рода советником, что вполне соответствовало его представлениям о долге образованных людей перед народом⁹.

Не вполне ясны мотивы сближения Кинга с рабочими. Пришел ли он к ним как филантроп или же им двигали иные побуждения? В 1864 г. Кинг писал: «Говорили, что просвещение рабочих приведет к бунту, но так как этот процесс остановить нельзя, пусть лучше им руководят священники, чтобы смягчить последствия»¹⁰. Это высказывание Кинга удивительно напоминает слова У. Коббетта, произнесенные в 1829 г.: «Общество находится в забавном положении, когда богатые считают, что они должны *просвещать* бедных, дабы укрепить *собственную безопасность*»¹¹.

Мы, разумеется, можем принять на веру воспоминания Кинга, но все же не стоит забывать, что его признание сделано спустя 34 года после самих событий и к тому же в то время, когда он заинтересованно следил за деятельностью христианских социалистов.

Возникают вопросы и в связи с обстоятельствами издания «Кооператора». Не известно, на чьи деньги он печатался, как собиралась информация о других обществах. Нельзя достоверно сказать, что заставило Кинга прекратить выпуск «Кооператора». Возможно, на него повлиял распад Брайтонского общества. Видимо, определенную роль сыграли препятствия собственной карьере Кинга, возникавшие из-за его связи с ассоциацией. Также неясно — отошел ли он от кооперативного движения после 1830 г. Ф. Подмор утверждает, что в 1832 г. Кинг создал рабочий базар в Готик-холл, в Лондоне¹². Однако Дж. Коул, писавший позже Подмору, полагает, что это был лишь его однофамилец¹³. И наконец, сомнения вызывает авторство нескольких статей в «Кооператоре». Так, первый номер отличается от остальных по орфографии («Laborer» вместо «Labourer», «every-thing», «anybody» вместо «everything», «anybody»), стилю (обращение от автора, а не от авторов, как в других номерах), оформлению (нет нумерации абзацев). Оуэнисты 1820-х годов, поддерживавшие связь с Брайтоном, Т. Херст и Э. Пэйр, считали единственным автором У. Кинга. Да и он сам утверждал, что писал «Кооператор» один, без помощников¹⁴. Но, на наш взгляд, не исключено, что в работе над изданием принимал участие еще кто-то, возможно У. Брайен. Как журналист, он, несомненно, имел знаком-

⁷ Бер М. История социализма в Англии. М.; Пг., 1923, т. 1, с. 283.

⁸ Письмо опубликовано в кн.: Mercer T. W. Op. cit., p. 119—120.

⁹ Co-operator, N 23.

¹⁰ Mercer T. W. Op. cit., p. 130.

¹¹ Cobbett W. Rural Rides. L., 1977, p. 75.

¹² Podmore F. Op. cit., p. 427.

¹³ Коул Дж. Г. Роберт Оуэн. М.; Л., 1931, с. 153.

¹⁴ См. письмо У. Кинга Г. Питману от 6 февраля 1864 г.: Mercer T. W. Op. cit.

ства в Лондоне, где, кстати, находилось издательство «Clowie and Strange», печатавшее «Кооператор». Но, бесспорно, основная часть статей была написана У. Кингом.

Как мы убедились, факты биографии Кинга мало что проясняют в тех вопросах, которыми мы задались. Нам остается лишь обратиться непосредственно к «Кооператору», внимательно и тщательно прочесть его страницы, чтобы составить мнение о воззрениях их автора в 1820-е годы.

Современники Кинга, писавшие об Англии тех дней, не обходились без двух слов, бывших тогда общеупотребительными: «пауперизм» и «преступность». Размышления над данными сюжетами занимали множество томов.

Пауперизм — национальное бедствие, признавал Кинг, веря, что все люди, все партии желают найти средство избавления от него¹⁵. Эта беда никого не обходит стороной. Имущие вынуждены оплачивать работные дома, тюрьмы, «иначе вся собственность будет отдана на милость головорезам, да и самой жизни будет грозить опасность от их безжалостных рук»¹⁶. Огромное число нищих тяжело обременяет состоятельных лиц, вынуждая их стеснять себя в удобствах и удовольствиях. Хотя Кинг прямо не высказывает своего мнения, он явно убежден в противоестественности содержания за чужой счет здоровых людей, способных трудиться. Ведь с точки зрения протестантской морали праздность — мать пороков.

Кроме того, по его словам, пауперизм — благодатная почва для преступности, ибо «человек, входящий в мир, должен на что-то жить. Тот, кто не может жить честно, живет преступлениями»¹⁷. Но этим не ограничивается вред пауперизма. «Человеку, который ничем не владеет, — писал Кинг, — нечего терять. Он орудие, которым может воспользоваться любой авантюрист, любая партия, нуждающаяся в физической силе»¹⁸. Подобно многим своим соотечественникам, Кинг не сомневался, что дальнейший рост пауперизма неминуемо приведет к революции, отождествлявшейся им с анархией и распадом общества¹⁹. Грозные явления взбудоражили Англию. Они «напугали, признавался Кинг, встревожили всех мыслящих людей и заставили думать многих из тех, кто прежде никогда не задумывался»²⁰.

Высказывания, которые мы привели, не оригинальны. Сетования на опасность и обременительность пауперизма раздавались из различных политических лагерей. О них, разумеется с разными интонациями, говорили и оуэнисты, и их противники, и радикалы и тори.

Кинга, однако, занимали не столько неудобства имущих, сколько положение тех, кого он называет трудящимися, или рабочими, классами. Прежде чем перейти к его описанию бедствий рабочих, мы позволим себе небольшое отступление и попытаемся уточнить, кто именно, по его мнению, относится к этой категории.

Классовое деление английского общества Кинг раскрывает

в следующем сравнении: «Средние классы — руки высших классов, а рабочие классы — их ноги»²¹. В «Кооператоре», как правило, говорится об этих группах «классов» и почти нет распространенного тогда деления на богатых и бедных. Самое неопределенное понятие — «высшие классы», так как Кинг ни словом не обмолвился о том, кто входит в эту группу. Более полно раскрыт термин «средние классы» — люди, «управляющие трудом, машинным производством и коммерцией». У первых двух групп Кинг усматривал общую черту: они располагали собственностью. Видимо, поэтому он иногда употреблял названия «хозяева» и «капиталисты» применительно как к «высшим», так и к «средним классам».

Наиболее многочисленна третья группа — рабочие (labouring), или трудящиеся (working), классы. По определению Кинга, это те, кто не имеет иных средств к существованию, кроме труда за плату. Но к ним относились не все работающие по найму. Так, ими не были слуги, дворецкие, все те, кого мы могли бы назвать домашней челядью. К трудящимся принадлежат лишь производители материальных ценностей. Такое определение перекликается с оуэнским термином «производительные классы».

Кинг нигде не говорит о классах в единственном числе. Причину объяснил он сам: «Привилегии и касты разделили мир на классы. Каждый отделен от других эгоистическим принципом, и в то же время внутри каждого класса тот же самый принцип настолько разделяет людей, как если бы они принадлежали к разным сословиям»²². Мысль Кинга о множественности классов станет понятнее, если мы представим себе особенности развития Англии его времени. В начале прошлого века промышленное производство лишь вторгалось в экономическую жизнь и затронуло еще не все ее области. Положение различных групп трудящихся: ремесленников, фабричных рабочих, батраков, работников ручных производств — было неодинаковым. Видимо, поэтому ни Оуэн, ни Кинг, никто иной не видели оснований для объединения всех групп в один класс. Но, пожалуй, в ряде случаев мы можем отвлечься от множественного числа, поскольку, говоря о «рабочих классах», Кинг все же считал их единой социальной группой.

Каким виделось Кингу положение большинства народа, ибо рабочие, по его мнению, и были большинством нации?

Если по отношению к «высшим классам» он проявлял лишь вежливое сочувствие, то описание бедствий трудящихся пронизано горечью и состраданьем: «С одной стороны, страна, в которой мы живем, полна машин, полна пищи, полна одежды, но, с другой стороны, люди, создавшие эти машины, пищу, одежду, не богатые, не процветают, не счастливы, а, напротив, бедны, не-

¹⁵ Co-operator, N 20, p. 2.

¹⁶ Ibid., N 23, p. 2.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid., p. 3.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid., N 1, p. 2.

²¹ Ibid., N 23, p. 3.

²² Ibid., N 19, p. 1.

счастливы, голодны и измождены»²³. Он отчетливо видел печальный парадокс, сжато сформулированный Оуэном: «Мир насыщен богатством... и, однако, всюду царит нищета!»²⁴.

Рабочие, признавал Кинг, невежественны, погрязли в пороках. Но правы ли те, кто утверждает, будто такова их природа? Кинг выступал решительным противником подобных взглядов. В его глазах рабочий был жертвой, но не виновником. К труженнику относятся как к предмету, способному приносить выгоду. Его «считают просто машиной, правда устроенной несколько иначе, но все равно машиной, не из колес и пара, а из плоти и крови»²⁵. Ничуть не лучше и обращение с ним. Пока он отрабатывает свою заработную плату, с его существованием мирятся. Но стоит ему потерять способность трудиться, он становится бременем²⁶. Он беспомощен, одинок и никому не нужен. Существующий порядок, заявляет Кинг, — насмешка над бедняком и его горестями, ибо «каждый день за столами праздных людей поедается столько пищи, что ее вполне хватило бы, чтобы прокормить всех голодных и престарелых целой нации»²⁷. Среди изобилия рабочий оказывается перед выбором между богодельней, голодной смертью или преступлением.

Кинг не идеализировал рабочих. Однако, полагал он, без них не было бы наук. «Простой рабочий — человек недалекий, неразвитый, с низменными желаниями, но его неустанный труд дает досуг другим, досуг, позволяющий развивать всевозможные знания, искусства и науки»²⁸. Невежество трудящихся, по его убеждению, во многом вина хозяев, ибо, считая рабочих придатком машины, они не нуждаются в самостоятельности их мышления, а, напротив, требуют беспрекословного послушания и повиновения.

Нищие, и потому беззащитные, невежественные, и потому покорные, — труженники предстают у Кинга не свободными, а порабощенными людьми. Они «полностью находятся во власти капиталистов, заявлял он, которые непрерывно играют в игру „прибыль—убыток“, где рабочие — пешки, которых двигают вперед — назад, с той лишь разницей, что пешки в отличие от рабочих не едят и не пьют и потому не протестуют, когда по окончании игры их отшвыривают в сторону»²⁹. Какое кощунство, восклицал Кинг, что мучения труженников вызывают у имущих не сострадание, а злобное презрение. «Все беды и недовольства общества, — продолжал он, — сваливаются на них, на них сыплются проклятья, если что-то идет не так. Пока они нужны для труда или битвы, их возносят до небес. Но едва лишь они готовят пищу, одежду, жилье или разобьют врага — в них больше не нуждаются, и государство оказывается перенаселенным»³⁰.

Симпатии Кинга, несомненно, на стороне обездоленных. Но разве не скорбели об их участи филантропы, призывая к более щедрой милостыне? Однако страницы «Кооператора» представляют нам не Кинга-благотворителя, а Кинга-реформатора. Для него, как и для оуэнистов, бедствия рабочих были лишь отщепом

точкой размышлений о современном обществе и роли, которую играет в нем труд.

Кинг провозглашал труд «основой и краеугольным камнем здания, корнем дерева, неиссякаемым истоком могучей реки, сущностью бытия»³¹. Он почитен и священен испокон веков. «Было время, — говорил Кинг, — когда законодатель, военачальник и монарх не считали зазорным идти за плугом, более того, величайшие из людей, когда-либо жившие в этом мире, освящали и возвеличивали труд... Читайте, читайте, читайте историю мира, священную и мирскую! Лишь нынешнему цивилизованному и христианскому веку предоставлено было открыть, что труд позорен, а работник не заслуживает платы за свой труд!»³².

Если гимн труду в известной мере связан с протестантской этикой, то его роль Кинг, подобно оуэнистам, объяснял, пользуясь трудовой теорией стоимости Д. Рикардо. «Все богатство мира, — писал он, — которое когда-либо существовало или возникнет, неизбежно должно производиться рабочими классами и только ими одними. Богатство, по существу, состоит из пищи, одежды и домов. Их, как и все остальное, должен изготовить рабочий. Они плоды трудов определенных людей. Они сделаны не хозяевами, не капиталистами, но теми и только теми, кто трудится»³³. Нельзя сказать, под чьим влиянием у Кинга возникло убеждение, что труд — источник всех богатств. В «Кооператоре» не упоминается ни Рикардо, ни кто-либо из оуэнистов. О самом Оуэне говорится лишь намеками. Не исключено, что на Кинга повлияли работы У. Томпсона. Брайтонское общество поддерживало тесные связи с Лондонским кооперативным обществом, к которому примыкал Томпсон. Вопрос об истоках воззрения Кинга безусловно важен. Однако, думается, в данном случае он не существует. К концу 1820-х годов, т. е. ко времени создания «Кооператора», идея о труде как источнике всех богатств была наипервейшей истиной, признаваемой всеми оуэнистами. Рассуждения Кинга на эту тему шли в русле их теорий и в конечном счете уточняли оуэновский парадокс: не нищета и богатство вообще, а нищета создателей богатств и богатство праздных. «Все прочие, — замечал Кинг, — пользуются благами в изобилии. А человек, выращивающий хлеб, шьющий одежды, строящий дома, едва может добыть себе немного пищи, какую-нибудь одежду или кров... Вряд ли можно найти факт более невероятный, чем бедствия рабочих классов. Если бы нам пришлось говорить о бедствиях неработающих классов, мы не были бы удивлены. Но поистине поразительно, что единствен-

²³ Ibid., N 9, p. 2.

²⁴ Оуэн Р. Описание ряда бед и заблуждений, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества. — Избр. соч. М., 1950, т. 1, с. 140.

²⁵ Co-operator, N 15, p. 3.

²⁶ Ibid., N 13, p. 1.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid., N 19, p. 2.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid., N 17, p. 1.

³¹ Ibid., N 8, p. 1.

³² Ibid., p. 3.

³³ Ibid., N 3, p. 2.

ными людьми, находящимися в бедственном положении, являются те и только те, кто производит весь хлеб, всю одежду и все дома земли»³⁴. Это мнение полностью совпадает с позицией оуэнстов. Например, Г. Маккормак подчеркивал: «Богатства земные находятся в руках тех, кто их не создавал»³⁵. А несколько раньше У. Томпсон записал в Устав кооперативного общества города Корка: «Более $\frac{9}{10}$ продуктов умелого труда производительных классов потребляют ныне те, кто сам ничего не производит»³⁶.

Кинг пытался найти источник этого очевидного противоречия. Перенаселение, о котором твердили мальгузианцы, тут ни при чем. «Когда говорят, — возражал им Кинг, — что рабочие могли бы регулировать свою численность, то можно ответить — капиталисты способны удовлетворить нужды любого числа рабочих»³⁷. Многие связывали все бедствия с промышленным переворотом. Кинг тоже немало говорит о последствиях машинного производства. Он признавал, что благодаря развитию техники и промышленности рабочие были низведены до положения скота³⁸. Машины, по его мнению, усугубили их несчастья, поскольку, удешевив производство, они снизили цены на труд³⁹. «Если машина, на которой я работаю, — размышлял Кинг, — производит столько же, сколько 1000 человек, то мне полагалось бы обладать продуктом, который произвела бы тысяча человек. Но ничего подобного. Я работаю на машине, которая, я знаю, уморит меня голодом. Машина работает не для меня, и я работаю не для себя. Я управляю машиной, и она в изобилии создает пищу или одежду, но мне достаются лишь крохи. Я должен идти и вымалывать хлеб у сердобольных. Я не имею права на продукт, произведенный машиной. Сегодня я изготовлю столь много пищи или одежды, что завтра мой хозяин вышвырнет меня на улицу... Я очень долго буду не нужен хозяину. Он отправит меня в приют, а там мне посоветуют идти работать. Меня будут посылать от хозяина в приют, из приюта к хозяину, меня будут гонять взад и вперед только потому, что я изготовил больше пищи и одежды, чем может потребить целый мир»⁴⁰.

Кинг красочно описал отрицательное воздействие машин на жизнь трудящихся. Но вместе с тем он убежден, что не в них зло. С его точки зрения, машина — это всякое приспособление, облегчающее труд или увеличивающее энергию⁴¹. Следовательно, ею можно назвать и палку, используемую как рычаг, и лук. Ему казалось нелепым утверждение, будто дикарю жилось бы лучше без его нехитрых приспособлений. Человечество не смогло бы развиваться без машин. Поэтому они создавались, совершенствовались и усложнялись на всем протяжении истории. Кинг верил, что основные чудеса техники еще впереди, ибо нет предела человеческой изобретательности. Он настойчиво доказывал, что машины — одно из величайших благодеяний, которыми провидение одарило человека, но не все в равной мере пользуются этим даром. «Машины, — писал он, — сами по себе не зло. Напротив, они величайшее благо для тех, кому достается их продукция...

Но они бесполезны для тех, кто ее не получает»⁴². Такая позиция сближает его с Оуэном, видевшим в машинах добро, обращенное неразумным строем во вред человеку. В этом вопросе взгляды Кинга существенно отличаются от воззрений тех его современников, которые видели корень всех зол в машинном производстве, как, например, Роберт Саути⁴³.

В поисках причин бедствий рабочих Кинг пришел к выводу, что они кроются не в отношении рабочих — машина, а в отношении рабочих — хозяин. «Бедствия рабочих, — заявлял он, — неизбежное следствие того, что они работают на других, а не на себя»⁴⁴. Рабочий продает свое время, труд, силу и умение, здоровье и прилежание своему хозяину. Тот же относится к нему как к товару, который можно «покупать и продавать, подобно вязанке дров, шляпе или свинье». Кинг, пытаясь понять, почему рабочему приходится торговать своим трудом, убеждается, что секрет заключается в отсутствии у трудящихся собственности или, по его словам, капитала. «Капитал есть власть, — доказывал Кинг, — кто имеет капитал, имеет власть. Капитал неминуемо скапливается в руках немногих... Он порождает машины, а те, работая во вред рабочему, доводят его до голода»⁴⁵. Следовательно, все беды проистекают от «полной зависимости труда от капитала»⁴⁶.

Размышляя об отношениях капиталистов и рабочих, Кинг сделал важный вывод: «Принципы капитала и труда, хозяина и слуги диаметрально противоположны. Вопрос между трудом и капиталом — это вопрос прибыли. Труд неминуемо должен покупаться как можно дешевле, а машины снижают цену на него до минимума»⁴⁷. Однако по его мнению, дело не только в том, что хозяева, спекулируя на безработице, снижают стоимость труда (value of labour). Растущее богатство капиталистов основано на том, что рабочий получает не полную стоимость своего труда. «Рабочие классы, — писал Кинг, — не имеют представления о действительной стоимости труда. Когда человек, сделав недельную работу, получает за нее плату, он полагает, что это полная стоимость его труда. Но это не так. Он не получает и одной четвертой части действительной стоимости. Если бы зарплата соответствовала действительной стоимости труда, то разве мог бы хозяин доставлять произведенный товар на рынок, продавать его дороже, чем сам за него заплатил, и на прибыли богатеть, в то

³⁴ Ibid.

³⁵ Maccormac H. Words of Wisdom Addressed to the Working Classes. Armagh, 1830, p. 5.

³⁶ Co-operativ, Magazine, 1829, vol. 1, p. 314.

³⁷ Co-operator, N 18, p. 2.

³⁸ Ibid., N 13, p. 2.

³⁹ Ibid., N 9, p. 3.

⁴⁰ Ibid., p. 2.

⁴¹ Ibid., p. 1.

⁴² Ibid., p. 4.

⁴³ Подробнее см.: Андерсон К. М. «Беседы» Роберта Саути. — В кн.: История социалистических учений. М., 1981.

⁴⁴ Co-operator, N 2, p. 3.

⁴⁵ Ibid., N 12, p. 3.

⁴⁶ Ibid., N 17, p. 4.

⁴⁷ Ibid.

время как рабочий беднеет, живя на жалованье. Это было бы невозможно. Ясно, что рабочий не получает полной стоимости труда, иначе он богател бы так же, как и его хозяин»⁴⁸. Капиталист грабит рабочего. Таков, по существу, главный итог политэкономических рассуждений Кинга. Ход его размышлений, опирающийся на теорию трудовой стоимости Рикардо, полностью совпадает с идеями оуэнстов 1820-х годов.

Изменял ли капиталисты подобное положение дел? Ни в коей мере, отвечает Кинг. Он убедительно доказывал, что хозяева всеми способами стараются удержать рабочего в повиновении, дабы охранить свою власть. Они разобщают рабочих. Законодатели, состоящие из капиталистов, вводят законы против рабочих союзов. Используя прибыль, нанимают людей, чтобы те силой усмиряли трудящихся⁴⁹. Они монополизировали знания и прилагают все силы к тому, чтобы рабочие оставались невежественными и потому покорными⁵⁰. Они внушают, что «зарплату им платят не из-за того, что они имеют на нее право, а лишь по доброте их хозяина»⁵¹.

Из всех высказываний Кинга об отношениях труда и капитала напрашивается вывод: хозяева — умышленные виновники бедствий рабочих. Но Кинг делает совершенно иное заключение. «Вы можете сказать... — обращается он к читателям, — должно быть, богатые тиранят рабочих и ввергают их в нищету? Ничего подобного, говорим мы. Как могут малочисленные богачи тиранить рабочих, которых во много раз больше, чем богатых. Немыслимо, чтобы немногие были сильнее многих»⁵². Хозяева не виноваты в сложившемся положении вещей. Конечно, они стремятся заплатить за труд как можно меньше, но в этом нет ничего преступного. Кроме того, он полагал, что обстоятельства, определяющие уровень зарплаты, неподвластны ни хозяину, ни рабочему, а полностью зависят от спроса и предложения на труд⁵³. Если хозяин будет повышать жалованье вопреки спросу, он разорится. Следовательно, капиталисты просто бессильны чем-нибудь помочь рабочим, а посему не следует смотреть на них как на врагов.

Призыв к классовому миру звучал и в работах Оуэна, но, пожалуй, у Кинга нелепость подобной проповеди наиболее ощутима. Рабочих бесчеловечно унижают, но хозяева — люди гуманные и сердобольные. Капиталист обкрадывает их, но ворует не со зла. Хозяева в состоянии прокормить и одеть всех обездоленных, но им не под силу создать мало-мальски приличные условия для рабочих. Кинг, человек с ясным, логическим умом, как будто не замечал несовместимости своих суждений. Он даже не пытался объяснить явное противоречие своих слов. Оуэн, по крайней мере, приписывал поступки хозяев невежеству и ложным представлениям, охватившим все без исключения классы. У Кинга они действуют вполне сознательно. Оуэн возлагал всю вину на неразумность общественной системы. Что говорит об этом Кинг?

Существующий строй, или «существующую форму общества», он называл индивидуальной системой (Individual system). Она

основана, по его мнению, на принципе «каждый сам за себя». Таким образом, определению «индивидуальная система» Кинг, подобно Оуэну, придавал значение «система, основанная на эгоизме».

«Благодаря этой системе, — писал Кинг, — наблюдается сильная тенденция к скоплению власти, богатства и даже наук и знания в руках немногих, в то время как человечество в целом слабо, бедно, невежественно, одним словом, пребывает в варварском состоянии... Система неизбежно является смесью крайностей, таких, как власть, богатство и нищета, деградация, порабощение»⁵⁴. Казалось бы, здесь вполне убедительно показана порочность «индивидуальной системы». Но вслед за столь наглядной характеристикой существующего строя с него неожиданно снимаются все обвинения. Тот, кто ругает существующую систему, заявляет Кинг, «может вишнить лишь себя в бедах, на которые сетует. Каждый, входящий в мир, уже получает многое готовым, прежде чем он сам сделает что-нибудь для общества. Его кормили, одевали за счет общества, которое, следовательно, ничего ему не должно. Долг лежит на человеке. Он не может притязать на капитал, которого он не производил... Он обязан какое-то время трудиться, чтобы оплатить расходы на поддержку, которую он получил ранее»⁵⁵. Итак, совершенно невероятным образом рабочие оказываются в долгу перед враждебным им строем.

Оуэн утверждал, что порочность старой общественной системы во многом порождена конкуренцией, разобщающей людей⁵⁶. Кинг оправдывал ее, открыто споря с Оуэном. Пространными рассуждениями он стремился доказать, что принцип конкуренции неотделим от природы человека, что конкуренция — одна из величайших благодетельниц мира, ибо дает толчок к удешевлению производства, а следовательно, идет на пользу и самим рабочим⁵⁷. Как видим, расхождения с Оуэном весьма значительные.

Может быть, всему виной неравенство, неизбежное при господстве «индивидуальной системы»? Но Кинг видел в нем прогрессивное начало. Неравенство сословий и разделение труда, утверждал он, рождены неравенством способностей, характеров и жизненных условий⁵⁸. Без этого не развивались бы науки и ремесла. «Если бы человечество оставалось совершенно равным, — писал Кинг, — оно навеки осталось бы невежественным и варварским. Хваленое равенство было бы равенством деградации»⁵⁹. Невозможность существования равенства доказывается им в том числе и отношениями детей и родителей, стариков и молодых.

Взгляды Кинга образуют довольно сложную и отчасти стран-

⁴⁸ Ibid., N 3, p. 3.

⁴⁹ Ibid., N 15, p. 2.

⁵⁰ Ibid., N 17, p. 4.

⁵¹ Ibid., N 3, p. 1—2.

⁵² Ibid., p. 3.

⁵³ Ibid., N 5, p. 2; N 2, p. 3.

⁵⁴ Ibid., N 19, p. 1.

⁵⁵ Ibid., p. 3.

⁵⁶ См.: Оуэн Р. Описание ряда бед и заблуждений..., с. 146.

⁵⁷ Co-operator, N 20, p. 1—3.

⁵⁸ Ibid., N 19, p. 2.

⁵⁹ Ibid.

ную систему. Несомненно, он всем сердцем с трудящимися, искренне им сострадает. Его размышления о бедствиях рабочих, о их роли в мире, использование теории трудовой стоимости и даже терминология вполне совпадают с духом и буквой оуэнизма 1820-х годов. Но, с другой стороны, он высказывает мысли, неприемлемые для ортодоксального оуэниста, оправдывает неравенство, конкуренцию, обеляет существующий строй. Чего же в нем больше — оуэниста или неоуэниста? Ответ на такой вопрос, видимо, могут дать воззрения Кинга на прошлое и будущее человечества.

Родоначальник оуэнизма несколько пренебрегал историей. Прошлое у Оуэна — цепь заблуждений и ошибок, вызванных непониманием человеческого характера. Для него эти ошибки были вполне очевидны, а их изучение казалось делом малополезным. Он признавал три формы общества: до машинного производства, старый неразумный строй и новое нравственное общество. Последнее представлялось ему скорее эвристической находкой, нежели закономерностью. Если бы принципы нового общества обнаружили раньше, уже давно и в помине не было бы бедствий человечества. Многие последователи Оуэна ощущали двусмысленность такого взгляда на историю. Если открытие нового мира — дело случая, то так ли уж неминуемо его наступление? По мере того как росло число оуэнистов, все острее становилась необходимость поставить появление нового мира на более твердую почву закономерности. Для этого требовалось обратиться к истории. Первыми историками-оуэнистами мы вправе считать Д. Мьюди и Т. Кларксона. Их концепции близки. Человечество начало свою жизнь с кооперативной системы, в которой отсутствовала частная собственность, и наперекор всем блужданиям вновь стремится к этой системе. Кооперации, писал Д. Мьюди, «человечество обязано своим продвижением от состояния варварства до современной цивилизации»⁶⁰.

История занимает весьма существенное место в воззрениях У. Кинга, но видел он ее иначе, чем оуэнисты. Для него мир со всем, что в нем есть, находится в вечном движении⁶¹. Это движение не хаотично, оно творится согласно промыслу божьему, и посему в мире нет ничего случайного. Все заранее предопределено — такова основная идея исторических взглядов Кинга. Но едва ли можно назвать его чистым провиденциалистом, поскольку теологическая аргументация у него тесно переплетается с экономическим расчетом.

Ссылаясь на Библию, Кинг утверждал, что в древнейшие времена люди не делились на богатых и бедных, так как каждый получал средства к существованию из общего капитала⁶². Прошли века, прежде чем возникли сословия и мир распался на имущих и неимущих. «Причины разделения на сословия, которое и поныне царит в мире, — писал Кинг, — никогда тщательно не исследовались, хотя они могут быть вполне удовлетворительно объяснены»⁶³. Прежде всего такова была воля господина.

А далее дается вполне рационалистическое толкование смысла этой воли. Прогресс человечества измеряется прогрессом знаний и наук. Люди одарены неодинаково. Кроме того, науки требуют свободного времени. Следовательно, кто-то должен заниматься физическим трудом, чтобы другой мог целиком посвятить себя наукам. Таким образом, заключал Кинг, «индивидуальная система» «была абсолютно необходима для рождения искусств и наук, потому что совершенно необходимой была потребность в досуге»⁶⁴.

Итак, «индивидуальная система» создана провидением, дабы развивались и множились науки и ремесла. Прибегая к воле провидения, Кинг несколько смягчает противоречивость своих рассуждений. Сложившийся строй создан не людьми, а божественным промыслом, и человеку не вольно на него роптать. Вместе с тем он признавал, что в современном обществе у трудящихся нет будущего. Изобретет рабочий новые машины — они обернутся ему во вред⁶⁵, произведет в тысячу раз больше — в выигрыше окажется только хозяин⁶⁶. Кинг не был противником стачек, но не сомневался, что они не могут «предотвратить конечную катастрофу рабочих классов»⁶⁷. Трудящимся не помогут ни капиталисты, ни благотворительность имущих, ни законы о бедных. Их жизнь находится в полной зависимости от других, и, предрекал Кинг, «при современном состоянии общества рабочий едва ли сможет достичь независимости»⁶⁸.

Такого же мнения были оуэнисты. К примеру, Г. Маккормак, упоминавшийся выше, писал: «В современном обществе у рабочего класса есть лишь один шанс из 70 тыс. достичь полной или хотя бы обеспеченной независимости»⁶⁹. Кинг и Маккормак заметили очень важное явление — как уходила в прошлое иллюзорная надежда рабочих со временем выбиться в разряд хозяев.

Кинг понимал безнадежность положения рабочих в современном обществе и решительно выступал в защиту тружеников. «Мы требуем для рабочего, — настаивал он, — прав разумного и нравственного порядка, прав существа, способного воспринимать знания и добродетель, если его правильно обучать, прав существа, чьи усилия производят все богатства мира, мы требуем для него прав человека»⁷⁰. Первейшее из них — право на жизнь. Но «жизнь состоит не только в том, чтобы жить, но чтобы жить хорошо», почти афористично замечал Кинг. Рабочие рождены для труда, это их удел, но они не ропщут на него, так как знают —

⁶⁰ Economist, 1821, N 6, p. 91.

⁶¹ Co-operator, N 11, p. 2.

⁶² Ibid., N 26, p. 2.

⁶³ Ibid., p. 4.

⁶⁴ Ibid., N 19, p. 3.

⁶⁵ Ibid., N 4, p. 2.

⁶⁶ Ibid., N 3, p. 3.

⁶⁷ Ibid., N 4, p. 2.

⁶⁸ Ibid., N 6, p. 1.

⁶⁹ McCormac H. Op. cit., p. 11.

⁷⁰ Co-operator, N 18, p. 2.

«такова воля провидения, пути которого хотя и непонятны, но полны мудрости и милосердия»⁷¹. Но разве они не вправе рассчитывать на должное вознаграждение за свой труд? Кинг требовал для них не только материальных благ, но и образования и нравственного воспитания, которое было для него неотделимо от воспитания в религиозном духе.

Единственный путь, которым рабочий может избавиться от нужды, невежества и притеснений, — это добиться независимости от хозяина. Другими словами, он должен работать на себя и полностью получать продукт своего труда. Но как мыслилось достижение этой цели?

Кинг не помышлял о покушении на собственность имущих, хотя бы и несправедливо нажитую. «Собственность священна, — настаивал он, — и любое покушение на нее есть величайшее попрание всех законов человеческих и божеских»⁷². Решительнейшим образом отвергалось и насилие как средство переустройства. Вновь Кинг призывает на помощь провидение. «К счастью, — писал он, — общество находится в состоянии непрерывного движения. Это движение есть результат внутренней энергии, заложенной в мир его всемогущим творцом. Общество верно следует его начертаниям, которые, по нашему разумению, вершась не скоро, все же явятся в конце концов великолепными и счастливыми. Все люди, как ничтожнейшие, так и знатнейшие, вкусят от их свершения, а порок и нищета будут изгнаны с земли»⁷³.

Торжество счастья и добродетели, по убеждению Кинга, конечная цель провидения. С этой точки зрения «индивидуальная система» лишь промежуточный этап в истории человечества. Она препятствует нравственному и религиозному совершенствованию, ибо «человек не может жить за счет нищеты и бедствий своего ближнего»⁷⁴. Потрясения, которые она переживает, предвещают ее конец. Они возвещают «крушение одной системы и начало другой. Человек борется за освобождение от гнетущего бремени сего дня, в чем бы оно ни заключалось. Он ищет новые пути в те сияющие чертоги вечного света и вечного изобилия, которые, как мы верим в глубине души, предназначены охватить собой всю землю»⁷⁵. Старая система отживает свой век, ибо она выполнила свое предназначение и вынестовала технику, науки, ремесла, искусства. Настало время, предсказывает Кинг, пожинать плоды, созревшие при «индивидуальной системе»⁷⁶.

Несколько иным ходом рассуждений, чем Оуэн, Кинг тем не менее пришел к тому же выводу — наступают эпоха смены одной общественной системы другой. И как Оуэн, находил в машинном производстве орудие, способное создать всеобщее изобилие, доступное всем.

Видение Кингом нового общества, системы сотрудничества, в главнейших своих чертах совпадало с представлениями оуэнистов 1820-х годов. В одном из номеров «Кооператора» он сопоставляет:

«Существующий порядок вещей
Невежество
Пауперизм

Преступность
Зависть

Злоба

Должный порядок вещей
Полезное знание
Нравственные и религиозные принципы
Независимость
Помощь немощным, старым, вдовам и сиротам
Совместный труд
Общая собственность».

Подобное противопоставление напоминает излюбленный прием Оуэна — соотносить вещи, какими они есть теперь, с теми, какими они будут. Но сходство не только внешнее. Совместный труд и общая собственность — это краеугольный камень оуэновского плана социальных преобразований. Для Кинга — неременное условие независимости рабочего.

Провидение указывает рабочим путь к независимости и счастью. Но преодолеть этот путь они должны сами, не рассчитывая на чью-либо поддержку. Поэтому в первую очередь им должно сплотиться. «До тех пор пока рабочие классы разъединены, — подчеркивал Кинг, — и действуют поодиночке, они будут катиться вниз. Они будут становиться все беднее и беднее, в то время как все остальные богатеть. Но если трудящиеся начнут создавать свои союзы (кооперативные. — К. А.), роли поменяются. Рабочие, получая весь продукт своего труда, будут становиться все богаче и богаче, чтобы ни случилось с нетрудящимися классами»⁷⁷. Он настаивал на объединении трудящихся в «рабочие союзы, или союзы кооператоров», как на первейшей необходимости и верил в сотрудничество и взаимопомощь этих союзов. Особых трудностей в их создании не предвиделось. Во-первых, уже был опыт объединений (тред-юнионы, общества взаимопомощи). Во-вторых, полагал он, «рабочие классы во всех частях Англии питают товарищеские чувства по отношению друг к другу. Они гуманны, они готовы идти на жертвы, чтобы облегчить бедствия ближнего»⁷⁸. Призыв к единению трудящихся в те годы раздавался часто. Отмена в 1824 г. антирабочих законов несколько облегчила создание рабочих объединений, необходимость которых доказывалась самой борьбой. Кинг, подобно подавляющему большинству оуэнистов, чутко улавливал эти настроения.

Его план преобразований строился на следующем рассуждении. Все беды происходят от полной зависимости труда от капитала. Следовательно, надо превратить рабочего в собственника. Если труд — источник всех богатств, а трудящиеся — единственные люди, владеющие трудом, то они могут создать себе новые богатства, не требуя и части тех, что были добыты прежде.

⁷¹ Ibid., N 2, p. 4.

⁷² Ibid., N 9, p. 3.

⁷³ Ibid., N 14, p. 1.

⁷⁴ Ibid., N 7, p. 1.

⁷⁵ Ibid., N 18, p. 3.

⁷⁶ Ibid., N 19, p. 4.

⁷⁷ Ibid., N 5, p. 3—4.

⁷⁸ Ibid., p. 3.

В данном случае Кинг не первооткрыватель. Логика его плана согласовывалась с логикой оуэнистов 1820-х годов. Подобные высказывания встречаются в программах Лондонского кооперативного общества (1824 г.), общества города Арма (1829 г.), в работах У. Томпсона. Это и было новым прочтением рикардianской политэкономии, прочтением, соответствующим настроениям трудящихся.

Практическая часть плана Кинга основывалась на опыте, правда небольшом, уже существовавших кооперативных обществ. Он предлагал начинать с совместной торговли. «Рабочие классы имеют самые веские основания открывать собственные магазины. Сумма, которую рабочие расходуют в течение года, огромна. Она достигает многих миллионов»⁷⁹. Покупая оптом и продавая в розницу можно получать прибыль. В некоторой степени эта идея созвучна идее Оуэна об устранении торгового посредника.

На следующем этапе, используя прибыль от торговли, рабочие могли бы дать занятие сначала некоторым из своих товарищей, а затем полностью перейти на собственное производство. Здесь Кинг высказал ряд очень интересных мыслей. Он внушал трудящимся, что без хозяина можно обойтись, ибо его роль состоит лишь в распределении произведенных товаров, а для этого не требуется особого таланта⁸⁰. Но могут ли все стать хозяевами? Кто же останется рабочим? В новом строе, отвечал Кинг, все будут хозяевами, потому что они одновременно будут и рабочими. Эти идеи явно шли вразрез с устоявшимися представлениями значительной части рабочих.

План завершали покупка земли и образование общины, или кооперативного поселения (co-operative colony)⁸¹. Некоторые авторы, например Т. Мерсер, заявляют, что реализм Кинга проявился в отказе от общиноустроительского авантюризма Оуэна и коренного изменения существующего строя. Действительно, в «Кооператоре» община не занимает столь видного места, как в работах Оуэна. В 28 номерах издания она упомянута лишь 8 раз. В отличие от Оуэна, Кинг не настаивал на строго определенном устройстве общины и распорядке ее жизни. Кроме того, может вызвать недоумение, что Кинг не назвал ни одной из оуэнистских общин. Он приводил в пример знаменитые голландские поселения и «Гармонию» раппистов. Но не «Новую Гармонию». В чем же дело? Мы можем только предполагать. Видимо, неудачи «Новой Гармонии» и Орбистона были не лучшими примерами, способными сделать идею общины обнадеживающей. Возможно, сыграло свою роль и личное отношение Кинга к Оуэну, далекое от преклонения. Но, пожалуй, главная причина — в другом. Крах оуэновских опытов побуждал искать новые пути. Общины, созданные Оуэном и Комбом, были неоднородными по своему составу. В этом многие оуэнисты видели источник их неудачи. Поэтому в конце 1820-х годов среди оуэнистов все решительнее звучали голоса в пользу чисто рабочей общины, созданной самими рабочими. «Кооперация — дело пс-

ключительно рабочих классов. Богатые не имеют к ней ни малейшего отношения», — утверждал Кинг, отрицая помощь государства или филантропов⁸².

Кинг отвергал не вообще общину, построенную на общности имущества, а оуэновский, скрупулезно детализированный план «поселков единения», который к тому же потерпел неудачу. Какой именно должна быть идеальная община, не было ясно ни ему самому, ни многим другим. Но не такой, как «Новая Гармония». В этом Кинг был убежден. Кооперация — дело новое, говорил он, поэтому потребуются новые опыты, прежде чем будет найдено искомое⁸³.

Довольно не просто ответить и на вопрос: ратовал ли Кинг за полное переустройство общества или полагал возможным ограничиться частичными изменениями? С одной стороны, мы видим старательно расписанную выгоду кооперации рабочих для «высших» и «средних классов». «Отстаивая дело кооперации, — замечал он, — мы даже затрудняемся сказать, чьи интересы мы защищаем в большей степени, высших классов или рабочих»⁸⁴. Она уничтожит пауперизм, а следовательно, и налоги на бедных, ликвидирует преступность, создаст умиротворенного и высоко нравственного трудящегося. Вдобавок Кинг гарантировал сохранность собственности имущих классов.

На первый взгляд он даже не настаивал на том, чтобы все рабочие присоединялись к системе кооперации. Но все это не более чем тактический ход, задуманный с целью побороть недоверие имущих и потому влиятельных сословий. Рабочего никто не принуждает вступать в общество и трудиться на себя. Но он будет полнейшим глупцом, если предпочтет «ежедневно отдавать большую часть своего заработка и голодать на оставшееся»⁸⁵. Хотя Кинг не слишком многословно говорил о будущем кооперативной системы, он неоднократно подчеркивал, что она неминуемо распространится и охватит не только рабочие, но и «средние классы»⁸⁶.

Кинг не сомневался в конечном торжестве новой общественной системы. Но ее рождение он представлял себе иначе, чем Оуэн. Последний верил в одновременное и всеобщее установление Нового нравственного мира. Кинг скептически относился к внезапным изменениям строя. «Установление кооперации, — писал он, — не есть немедленное и всеобщее принятие нового порядка вещей, чуждое идеям и привычкам рода человеческого, законом бытия коего служит ОБЫЧАЙ, но неторопливое и постепенное учреждение небольших обществ наиболее просвещенных рабочих... объединивших свой труд ради общего блага»⁸⁷.

⁷⁹ Ibid., N 14, p. 4.

⁸⁰ Ibid., N 6, p. 3.

⁸¹ Ibid., N 16, p. 3.

⁸² Ibid., N 23, p. 4.

⁸³ Ibid., N 27, p. 4.

⁸⁴ Ibid., N 23, p. 4.

⁸⁵ Ibid., N 25, p. 4.

⁸⁶ Ibid., N 16, p. 2; N 9, p. 4; N 23, p. 4.

⁸⁷ Ibid., N 18, p. 3.

Преодолеть инерцию мышления рабочих Кинг считал возможным только посредством их просвещения. Вера во всемогущество знания, унаследованная от Просвещения, у него столь же сильна, как и у Оуэна. Прогресс человечества для Кинга был неотделим от прогресса наук и искусств. Лишение рабочих образования, сознательное насаждение среди них невежества он считал одной из наиболее отвратительных черт существующего строя и возмущался тем, что людей с детских лет учат не держаться правильных взглядов, но отстаивать общепринятые, не искать истину, но преклоняться перед авторитетами⁸⁸. Человек, лишенный знаний, не может быть счастливым, поскольку им вечно будут помыкать другие. Рабочие должны побороть собственную темноту, ибо «мы рождены в невежестве, мы воспитаны в невежестве, мы живем и умираем в невежестве... Мы совершенно слепы. Имея уши, не слышим, имея глаза, не видим. Поэтому первым шагом к кооперации и первым и последним шагом, могущим предопределить успех, должно быть уничтожение невежества любыми посильными средствами»⁸⁹. Он предлагал рабочим организовывать свои клубы, библиотеки, школы, выбирать из своей среды «кооперативных миссионеров», которые привлекали бы к работе общество новых участников⁹⁰. «Знание и союз — сила» — таков девиз «Кооператора».

Нами рассмотрены взгляды Кинга, имеющие общие черты с теорией оуэнизма. Мы не беремся судить, был ли он большим реалистом, чем Оуэн. Кроме того, вряд ли всегда оправдано сравнение идей Кинга с идеями Оуэна, относящимися ко времени обнародования его проекта. «Кооператор» и «Доклад...» разделяют десять лет. За эти годы в Англии произошел значительный подъем рабочего движения, который не мог не сказаться на связанных с ним учениях. Оуэнистские публицисты второй половины 1820-х годов опирались не столько на этическую аргументацию, сколько на теорию Рикардо. Оуэн желал преобразовать мир для рабочих. Его последователи считали, что трудящиеся должны преобразовать общество самостоятельно. Лавка — мастерская — община. Для оуэнистов 1820-х годов это ступени, ведущие к новому обществу. Собственное производство, собственный рынок сбыта — эти идеи побуждали рабочих учреждать свои лавки, открывать свои мастерские. Сам основатель учения, вернувшись из Америки и разобравшись в происшедших в Англии изменениях, пришел к тем же выводам, что и его ученики, и придал их идеям больший размах. Рабочие базары, производственные гильдии, Великий национальный союз производств — это те же рабочая взаимная торговля и рабочее производство, но разросшиеся благодаря энергии Оуэна до размеров всей страны. Кинг мыслил несколько иначе, чем Оуэн в 1817 г., но, несомненно, так же, как Томпсон, Маккормак и другие оуэнисты.

И все же мы не можем отнести Кинга непосредственно к многочисленной оуэнистской школе. Одна из сторон воззрений Кинга заставляет нас выделить его систему из оуэнистского течения

общественной мысли, разумеется, не перечеркивая ее самое близкое родство с оуэнизмом. От этого течения Кинга отличает не приоритет лавки над общиной, обнаруженный позднейшими историками, не мнимая защита существующего строя, а глубоко религиозный взгляд на мир. Если оуэнистская теория слагалась из двух составных частей — политэкономии, заимствованной у Рикардо, и философии, унаследованной от Просвещения, то у Кинга мы встречаем и теологическое толкование действительности.

Оуэн был известен как человек, отвергавший все религии. Однако некоторые его последователи не были с ним согласны. На Священное писание ссылались некоторые участники оуэнистских конгрессов. На 3-м конгрессе, уступая ряду делегатов, Оуэн согласился с резолюцией, толкующей его знаменитый постулат об образовании характера следующим образом: «Характер каждого индивида создается божественным промыслом для этого индивида»⁹¹. Упомянувшийся нами Д. Мьюди доказывал в «Экономисте», что оуэновский план не противоречит христианству⁹². Вместе с тем в письме к Оуэну Мьюди утверждал, что полностью убежден в ложности всех религий, но считает преждевременным нападать на веру⁹³. Для многих оуэнистов ссылки на Библию были уступкой людскому невежеству.

Кинг же был человеком глубоко религиозным, что неудивительно для сына и зятя священника. Оуэновское безбожие явно ему претило. Он призывал не путать идею кооперации с именем самого Оуэна. Не будем лицемерами, говорил Кинг, ведь у изобретателя машины не спрашивают о его религиозных убеждениях⁹⁴. Оуэн лишь указал, как практически осуществить преобразования. Но принципы кооперации, по мнению Кинга, во многом являются возрождением подлинных принципов христианства.

Кинг не представлял себе кооперативного строя без религии. По его убеждению, религия — это основа нравственных устоев общества. Не может быть нравственности вне ее. Но в отличие от своего современника Р. Саути, отождествлявшего религию, а следовательно и нравственность, с англиканством, Кинг утверждал, что исповедание единой веры не является целью рабочих союзов. Христианство для него не связано с определенной церковной организацией. Оно скорее свод нравственных заповедей, а не доктрина какой-либо церкви или секты. Поэтому если у Саути падение нравственности выражалось прежде всего в падении влияния англиканской церкви, то у Кинга падение нравов связано с невозможностью следовать заповедям христианства при существующем общественном строе. Разве выполнимы заветы

⁸⁸ Ibid., N 19, p. 1.

⁸⁹ Ibid., N 1, p. 4.

⁹⁰ Ibid., N 14, p. 2; N 16, p. 2.

⁹¹ 3rd Congress of Co-operators. L., 1832, p. 98.

⁹² Economist, 1821, N 19.

⁹³ Armytage W. H. Heavens Below. L., 1961.

⁹⁴ Co-operator, N 24, p. 3.

милосердия и любви к ближнему в этом бесчеловечном обществе? Разве не забыта давным-давно та истина, что «человек бес смертен и бессмертны не одни лишь знатные, образованные и богатые, но и бедные, нуждающиеся, обездоленные Лазари мира сего и тем более честный и трудолюбивый труженик?»⁹⁵ Разве само Священное писание не искажено имущими вполне намерено? Евангелие, писал Кинг, обязано своим происхождением бедным. «Но со временем, — продолжал он, — богачи и образованные объявили себя хранителями и толкователями этой книги бедных и так исказили ее ясный смысл, что бедным как классу не оставили в этом мире ничего, кроме нищеты и невежества»⁹⁶. Отсюда — попытка вернуть Священному писанию его изначальный смысл. Этому посвящены два номера «Кооператора».

В первом из них рассуждалось о Ветхом завете. Он оценивался скорее как исторический памятник, а не богооткровенная книга. Ценность Ветхого завета виделась в том, что в нем повествуется о временах, не известных ни одной другой книге. Но больше всего Кинга интересовал дух, или смысл, Ветхого завета. Кем бы ни были люди, сочинившие отдельные его части, отмечал он, какими бы ни были их мотивы, о каких бы предметах они ни писали, будь то закон, религия, история или поэзия, все они проникнуты единым чувством — состраданием к бедным⁹⁷.

Ветхий завет, продолжал Кинг, знал времена, когда собственность была общей, не было ни богатых, ни бедных. Затем, по промыслу божьему, мир разделился на имущих и неимущих. Моисей, первый библейский законодатель, пророчески предвидел судьбу, ожидавшую большую часть общества. Он знал, что наступит время, «когда работник погрязнет в нищете, деградации и рабстве». Кинг писал: «Он... предугадал бедствия крайнего богатства и крайней нужды, он видел тиранию, к которой они неминуемо ведут, и нравственное падение, которое неизбежно последует за этим»⁹⁸. Более того, по его мнению, Моисей был уверен, что нищета и рабство приведут его соплеменников к язычеству. Намерения, перебрасывая мостки от времен ветхозаветных к современности, Кинг проводил аналогию между язычеством поработенных и безбожием угнетаемых рабочих. Мудрецы, создавшие Ветхий завет, всегда поднимали свой голос в защиту бедных от алчности богатых. Причина упадка еврейского народа, считал Кинг, в том, что была нарушена заповедь Моисея, предписывавшая сострадание и помощь обездоленным⁹⁹. Пренебрежение к бедным влечет неминуемую расплату, предупреждал он своих современников, отсылая их к библейской истории.

Если Ветхий завет для Кинга назидателен, то Новый — бесприкословный авторитет, как и для любого верующего протестанта. По его мнению, между двумя заветами — огромная разница. Она состоит в отношении к бедным. «В Ветхом завете бедные лишь охраняются от тирании богатых. В Новом они предназначены быть избранным классом, предназначены учить, на-

ставлять самих богачей. В Ветхом они беспомощны. В Новом — возвеличены и даже прославлены, наделены величайшими, даже сверхъестественными силами»¹⁰⁰. Евангелие — книга бедняков, утверждал Кинг. Оно родилось не во дворце, а в лачуге мастерового, оно полностью меняло облик и назначение бедных¹⁰¹. Беднякам предназначено преобразовать мир, воплотив принципы Евангелия, а именно «положить конец крайнему неравенству состояний и условий жизни и добиться прав беззащитных и бедных»¹⁰². Не избранный народ, а избранный класс, которому спешествует само провидение. Такими виделись Кингу трудящиеся.

Он верил, что близок час системы сотрудничества и что именно ей провидение предназначило «низвести благодать небесную на землю», создать земной рай¹⁰³. По его убеждению, называться христианином можно лишь поступая по-христиански. Только в общине, утверждал Кинг, полностью воплощается любовь к ближнему. Он находил это понимание у первых христиан, называя ессеев первыми подлинными кооператорами. Лишь с воцарением новой системы религия станет нормой жизни, ибо, «если люди станут христианами на практике, они неизбежно станут христианами по воззрениям»¹⁰⁴.

Возникает вопрос, переложил ли Кинг, подобно Мьюди, оуэнизм на язык христианства, чтобы сделать его приемлемым для непросвещенных рабочих? Или же взглянул на оуэнизм глазами христианина? Представляется, что все-таки для Кинга оуэновский план был средством воплощения, с его точки зрения, неискаженного христианского идеала, возвращения к его изначальной чистоте. Толкование Кингом Библии напоминает толкование христианских социалистов 1840-х годов. Становится понятным, почему впоследствии он если не примкнул, то по меньшей мере весьма сочувственно относился к этому движению. Однако невозможно поставить знак равенства между ним и христианскими социалистами, как нельзя поставить его между Кингом и Оуэном или провести параллель между Кингом и миллениариями. Оуэн верил в торжество разума, Кинг — в торжество христианства. Но чаяния Кинга не сродни бездейтельному ожиданию тысячелетнего царства Христова. Христианские социалисты лишь подкрашивали фасад ветшающего здания, он же ратовал за возведение нового. Трудно охарактеризовать взгляды Кинга методом аналогий. В них и трезвость политэконома-оуэниста и почерпнутое у сектантов возвеличивание благотворительности и вера убежденного протестанта в торжество христианства.

⁹⁵ Ibid., p. 4.

⁹⁶ Ibid., N 27, p. 2.

⁹⁷ Ibid., N 26, p. 2.

⁹⁸ Ibid., p. 3.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid., N 27, p. 1—2.

¹⁰¹ Ibid., p. 2.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid., N 9, p. 3; N 24, p. 4.

¹⁰⁴ Ibid., N 24, p. 3.

Сочетание столь разнородных элементов делает воззрения Кинга весьма самобытными. Но не воззрениями одиночки.

В 1820-е годы были авторы, критиковавшие существующий строй с позиций христианства и предлагавшие свои проекты, основанные в той или иной мере на идеях Оуэна. К примеру, Р. Саути, апеллируя к Евангелию, ратовал за возврат к домашнему производству и использованию оуэновских общин вместо рабочих домов. Д. М. Морган отстаивал частичные реформы существующего строя, в том числе создание общин под руководством государственной англиканской церкви. Кинг призывал к полному изменению формы общества. Из трех названных авторов он был наиболее радикальным и испытывал несравненно большее влияние оуэнизма. Однако всех троих мы могли бы отнести к представителям социального христианства.

На наш взгляд, социальное христианство как направление общественной мысли не было единым. Существовали различные течения и в оуэнистской школе. Система Кинга, видимо, возникла на стыке двух направлений: оуэнизма и социального христианства, в равной мере принадлежа им обоим. В последующие годы, когда социальные противоречия в Англии обострились и усилилась классовая борьба, разграничение между этими двумя направлениями стало более четким. Но в 1820-е годы оуэнизм привлекал к себе многих недовольных существующим строем. Их объединяло желание перемен. Оуэнизм давал им надежду на эти перемены. Именно эта надежда сближала людей, которые в 1830-е годы, ища новых путей, стали либо чартистами, либо мистиками, либо примкнули к христианским социалистам. Система Кинга могла возникнуть лишь в то время, когда подспудные центробежные стремления в оуэнизме еще не проявили себя открыто.